
Основы теории «языка» в двустороннем консенсусе. О работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с позиций коммуникативной модели* Часть II

© 2023 г. А.В. Вдовиченко

*Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, 115184, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Поступила 31.12.2022

В работе И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) затрагивается ряд общих вопросов теории вербального процесса, трактовка которых в целом согласуется с традиционными (в том числе современными) количественно преобладающими лингвистическими воззрениями на феномен «языка». Лингвистический консенсус наблюдается в нескольких позициях, возникающих вследствие теоретического упрощения: 1) «язык» существует в виде предметных вербальных форм, составляет единство, которое обеспечивает общение людей и которое способно быть объектом изучения и описания; 2) «язык» есть грамматика и словарь; 3) «язык» соединен с мышлением; не бывает мыслей без «языка»; 4) «язык» является общим достоянием для данного коллектива (нации, народа), «язык» объединяет всех говорящих на нем; 5) «язык» есть мистический («волшебный») объект. В настоящей статье предлагается критика этого лингвистического консенсуса с точки зрения коммуникативной модели. Упрощенная (языковая) модель слово-содержащего семиотического процесса является следствием избыточного внимания к вербальному субстрату («словам»), попытки представить вербальные единицы самоорганизованными смысло-формальными модулями, отвечающими за все происходящее в области коммуникативного смыслообразования. Неэффективность «языка» (и «речи») состоит в навязывании вербальным «телам» собственного действия, в то время как смыслопорождение в естественной слово-содержащей коммуникации всецело осуществляется комплексным личным воздействием семиотического актора, всегда многоканальным и многофакторным.

Ключевые слова: семиотическое воздействие, язык, речь, грамматика и словарь, И.В. Сталин, «Марксизм и вопросы языкознания», лингвистический консенсус о языке, коммуникативная модель слово-содержащего семиозиса, критика языковой модели.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-8-116-128

Цитирование: *Вдовиченко А.В.* Основы теории «языка» в двустороннем консенсусе. О работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с позиций коммуникативной модели. Часть II // Вопросы философии. 2023. № 8. С. 116–128.

---

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда, грант № 22-28-01656, Институт языкознания РАН.

Fundamentals of the Theory of “Language” in the Bilateral Consensus. Stalin’s *Marxism and Problems of Linguistics* from the Standpoint of the Communicative Model* Part II

© 2023   Andrey V. Vdovichenko

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 b. 1, Bolshoi Kislovskii per., Moscow, 125009, Russian Federation; Saint Tikhon’s Orthodox University of the Humanities, 23b, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

E-mail: an1vdo@mail.ru

In Joseph V. Stalin’s work *Marxism and Problems of Linguistics* (1950), a number of general issues of the theory of the verbal process are touched upon, the interpretation of which is generally consistent with traditional (including modern quantitatively predominant) linguistic views on the phenomenon of “language”. The linguistic consensus is observed in several positions that arise as a result of theoretical simplification (inaccurate metaphor): 1) “language” exists as objective verbal forms, constitutes a unity that ensures communication between people and which can be an object of study and description; 2) “language” is grammar and vocabulary; 3) “language” is connected with thinking; there are no thoughts without “language”; 4) “language” is a common property for a given collective (nation, people), “language” unites all those who speak it; 5) “language” is a mystical (“magic”) object. This article proposes a critique of the Marxist-linguistic consensus from the point of view of the communicative model. A simplified (linguistic) model of a word-containing semiotic process is the result of excessive attention to the verbal substrate (“words”), of an attempt to present verbal units as self-organized semantic-formal modules responsible for everything that happens in the field of communicative meaning (sense) formation. As a result, a theoretical construct “language” is created, designed to save researchers’ a priori attitude to the matter of words (which, at the right moment, when confronting with reality, is casuistically replaced by “speech”, which, however, is also verbal). The inefficiency of “language” (and “speech”) lies in the imposition of its own action on verbal “bodies”, while the generation of meaning in natural word-containing communication is entirely carried out by the complex personal impact of the semiotic actor.

Keywords: semiotic impact, language, speech, grammar and vocabulary, Stalin, *Marxism and Problems of Linguistics*, Marxist-linguistic consensus on language, communicative model of word-containing semiosis, traditional ideas about language, cognitive state, consciousness, criticism of the language model.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-8-116-128

Citation: Vdovichenko, Andrey V. (2023) ‘Fundamentals of the Theory of “Language” in the Bilateral Consensus. Stalin’s *Marxism and Problems of Linguistics* from the Standpoint of the Communicative Model. Part II’, *Voprosy filosofii*, Vol. 8 (2023), pp. 116–128.

---

* The article was written with the support of the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-01656, Institute of Linguistics RAS.

4. Язык является общим достоянием для данного коллектива (нации, народа), язык объединяет всех говорящих на нем

Помимо определения «средства общения» людей как вида (условного языка Л. Н. Хомского), И.В. Сталин ошутимо сосредоточен на *национальной принадлежности* этого средства. Конкретный язык, если он язык (а не жаргон, диалект), должен, с его точки зрения, существовать и использоваться в масштабах нации (народа): «С появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей – в национальные языки. История говорит, что национальные языки являются не классовыми, а общенародными языками, общими для членов наций и едиными для нации» [Сталин 1953, 13].

В этих, как и других, свидетельствах, помимо желания теоретика марксизма подняться на глобальный уровень лингвистической абстракции, где замечаются крупные «сравнительно-исторические» объекты, – содержатся признаки концептуальных *нестыковок*, с которыми сталкивается любой теоретик, взявшийся конструировать «язык» из *предметных форм*, строить упрощенную «материалистическую теорию» «языка» по схеме «слово – значение».

Поскольку язык, с точки зрения марксиста (и некоторых единомышленников-лингвистов), представляет собой формально-содержательный инструмент общения и состоит из единообразных предметных элементов с определенными значениями, знание которых гарантирует понимание говорящих между собой, границы коммуникативного коллектива, обладающего таким языком, должны быть вполне определенно очерченными.

Реальность, однако, такова, что в естественной коммуникации порождается и понимается не смысло-формальное единство «язык» и его элементы, а *личное семиотическое воздействие* (полимодалное, многофакторное, многоканальное, не обязательно слово-содержащее). Ввиду этого конструирование «системы знаков» из вербальных клише оказывается несколько *насильственным и нарочитым занятием*, не отвечающим *подлинным параметрам (факторам)* смыслообразования, которые мыслятся естественным участником коммуникативных интеракций. Сторонники языковой парадигмы пытаются навязать словам то, что в естественном состоянии производится не только (и не столько) словами.

Эта насильственность и нарочитость выражается в приписывании каждому *отдельному «носителю»* такого объема знания «языка», которым он в действительности не обладает, и, наоборот, в приписывании «языку» такого единообразия и тождества, которое в действительности невозможно подтвердить. В обоих случаях неэффективный концептуальный инструмент «язык» настоятельно требует от исследователя (марксиста, лингвиста и др.) жертвовать реальностью в угоду изначально ошибочной модели слово-содержащего семиозиса.

Реальность состоит в том, что носитель знает не «язык» (тем более не «национальный язык»), а некоторый объем лично усвоенных или просто знакомых коммуникативных синтагм (поведенческое клише плюс производимое воздействие в мыслимых условиях интеракций).

Его «знание национального языка» не гарантирует данному «носителю» понимания во всех ситуациях его использования, поскольку в действительности производятся и понимаются семиотические воздействия на основе когнитивных состояний актора, который вовлекает данные клише в состав своих семиотических воздействий. Возможность не понять сказанное на «национальном языке» только подтверждает, что интерпретируется не словесный язык, якобы всеобщий, а нечто иное, обретаемое за пределами постулированной системы слов, – личное семиотическое

воздействие, далеко выходящее за границы «вербальности» (ср.: «Да», «Какие?», «Он идет» и пр.).

Смыслообразование в слово-содержащем акте (порождение и воссоздание акциональных режимов сознания семиотического актора) осуществляется по мере личной возможности данного обладателя сознания это делать – владения коммуникативными синтагмами, личного опыта, ресурсов долгосрочной и краткосрочной памяти, когнитивных способностей, ситуативного внимания, эмоционального фона и пр. Эти индивидуальные свойства коммуниканта, казалось бы, должны быть всецело неактуальны ввиду «единообразия словесного инструмента», «национального языка», которым все якобы одинаково пользуются в общении.

Однако реальное положение дел таково, что индивидуальные свойства, несомненно, «работают» на успешность или неуспешность конкретных интеракций, тем самым проявляя психические (когнитивно-эмоциональные), а не системные (предметно-языковые) основания слово-содержащего семиозиса.

Естественно, что по тому варианту «национального языка», который известен каждому отдельному «носителю», составить инвариантный образ «национального языка» невозможно. «Национальным языком» ни один представитель нации в действительности не владеет, хотя *что-то* говорит/пишет и понимает. Сам собой возникает вопрос, как же он говорит и чем пользуется. Само существования «национального языка» рискует оказаться не вполне достоверным. Сомнения усиливаются на фоне огромной вариативности статусных и моментных когнитивных состояний носителей «одного и того же языка» – интересов, ценностей, уровня и профиля образования, профессиональных, политических, конфессиональных и пр. взглядов, активных фокусов внимания, уровня интеллекта, активности и пр. От таких особенностей каждого отдельного коммуниканта прямо зависят «слова», которые он произносит, но сам набор особенностей с очевидностью не задан и не стандартизирован единым для носителей «языком».

Для «спасения» априорно постулированного словесного «инструмента общения» в рамках упрощенной предметной схемы зачастую привлекаются *различные приемы*, позволяющие не замечать или скрывать сложную психическую (когнитивно-эмоциональную) реальность конкретных слово-содержащих актов (в которых «работает», конечно, не «язык», а опосредованно воздействующий обладатель сознания). В рассматриваемом труде Сталина (и некоторых согласных с ним лингвистов) эти технологии дают о себе знать.

Все вербальные данные виртуально собираются в единую коллекцию, поскольку только так можно предъявить весь объем слов «национального языка», которые говорятся «носителями». При этом ввиду огромной вариативности индивидуальных практик владения коммуникативными синтагмами (клише плюс опосредованное воздействие в мыслимых условиях) исследователь, несколько противореча собственным установкам, не может признать «национальным языком» весь собранный вербальный субстрат. Он вынужден либо 1) говорить об «основе» «национального языка», либо 2) представлять в качестве причины очевидной вариативности пользование *различными вариантами «языка»* (Сталин, например, реализует обе эти возможности, не замечая возникающих противоречий).

1) Выделение «основы национального языка» сопряжено с необходимостью отделить несущую конструкцию (скелет) «языка» от других единиц, подозрительных в плане всеобщности и неизменности (например: «Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целости и остались без каких-либо серьезных изменений, – сохранились именно как основа современного русского языка» [Сталин 1953, 6–7]).

Таким образом, «основой национального языка» становится никогда не предъясляемое в своих полных конкретных очертаниях виртуальное образование – некоторый «ствол» лексики, синтаксиса, морфологии, фонетики. На такую роль могут претендовать «основной словарный фонд и грамматический строй» (как у Сталина), литературный язык, язык художественной прозы, один из наиболее значимых диалектов (например, московский диалект, сталинский «курско-орловский диалект»), школьные правила русского языка (которые, правда, предназначены для научения условной практике письма, а не «языку»), «язык Пушкина», язык «хранителей русского языка» и др.

Ясно, что все остальное, не попадающее в «основу» (саму по себе уже достаточно пеструю), образует зону неопределенности, в которой нельзя с уверенностью ответить на вопрос, принадлежит ли данное явление «национальному языку» или нет. Так, возникает вопрос, принадлежит ли национальному языку, еле уловимые особенности произношения и словоупотребления жителей Санкт-Петербурга или Екатеринбурга (в сравнении с московским «говором») или «оканье» (в отличие от московского «акания») и особенности глагольной морфологии и лексики «говоров» русского севера. Между тем так говорят «некоторые носители», составляющие, помимо прочих, декларируемую «русскую нацию».

Кроме того, внутри всех перечисленных вариантов, претендующих на звание каркаса, всегда обнаруживаются специфические случаи, которые вынуждают признать, что попытки дать масштабные обобщенные определения только скрывают реальную множественность вербальных фактов и несводимость их к инварианту.

Так, литературный язык всегда будет представлен авторами, различие которых между собой весьма значительно, с одной стороны, и, с другой, в пространстве их собственного «языка» всегда обнаружатся следы какой-то инородной (нелитературной) стихии. То же следует заметить о «языке Пушкина», московском говоре, практической школьной грамматике и пр. Существование национального (общенародного) языка, таким образом, является, скорее, декларацией, неисполнимой попыткой предъясвить «единое средство общения», составленное, как того требует упрощающая («языковая») схема, из смысло-формальных модулей (вербальных единиц; ср. яacobсоновский «код»). Составить из таких модулей какую-то новую, еще одну версию «национального языка», конечно, можно, выдавая ее за «основу» или даже сам «национальный язык» (ср. «русский язык для иностранцев»), но она не будет совпадать ни с одной из имеющихся естественных версий, каждая из которых все равно окажется «не совсем национальным языком».

2) Другим способом скрыть реальное отсутствие «национального языка» (и любого иного выделяемого «языка»-«кода», составленного из предметных модулей) выступает вынужденная «игра в лоскутное одеяло», вольно-невольное пользование *казуистичной риторикой* «единство есть множество собранных вместе элементов», а «множество разнородных элементов есть единство».

По правилам этой игры, исследователь априорно признает, что тот вербальный субстрат, который говорится и понимается, есть «телесный» инструмент общения, единый для данного коллектива, поскольку участники данного коллектива «очевидным образом» говорят и понимают данный материализованный в словах «язык» (заметим, что естественный процесс смыслообразования возникает в конкретных семиотических воздействиях, а не в вербальных формулах; то, что в семиотической реальности происходит, – это не просто «говoreние и понимание слов»).

Дальнейшие усилия исследователя в этом случае направляются на то, чтобы просто предъясвить *данный коллектив*, поскольку в ках такого подхода говорящий/пишущий «коммуникант в коллективе» уже свидетельствует о наличии какого-то «языка», который используется для понимания его членов между собой. Коллектив общающихся становится главной вдохновляющей силой поиска. Понятно, что «язык»

будет обязательно обнаружен и предъявлен или, по крайней мере, декларирован. По умолчанию он существует, и можно просто сообщить о некоторых его специфических чертах, не вдаваясь в подробности.

Констатацию различных коллективов (например, многонациональный советский народ, русская нация, жители Москвы, иностранные студенты, криминальная среда и пр.) уже можно признать *игрой без строгих правил*. Любой коллектив априори имеет какой-то язык, особенности которого будут столь же несомненны, сколь несомненны особенности самих коллективов.

После признания коллективного вербального инструмента в качестве обособленного объекта исследования дальнейшая идентификация некоторых составляющих его частей («лоскутов общего одеяла») приобретает характер пущей научности и нисколько не ставит под сомнение целостность априорно констатированного «инструмента». Например, в «языке современной поэзии» можно обнаружить интенсивные, иногда возводимые в принцип включения из любых иных «языков», в том числе из иностранных, непоэтических или даже вовсе не существующих, а также заведомые нарушения (непривычные явления в области) русской фонетики, морфологии, семантики, синтаксиса. В этот момент исследователю, заранее уверенному в существовании особого «языка поэтов», достаточно всего лишь констатировать, что *так устроен «поэтический язык»*. В самом деле, априорно признав средством общения в данном коллективе предметный вербальный инструмент («поэты говорят поэтическим языком»), исследователь вынужден подчиняться указаниям материала и по необходимости признавать, что *данное средство общения имеет данные материальные особенности*. Усомниться в оправданности рассуждений о целостном языке, воспользовавшись, например, очевидными признаками других «языков» в его составе, такой исследователь не стремится и не видит возможности, поскольку все покрывает формула «язык есть семиотическая система и средство общения», а общаться можно только «языком»; то, чем данный коллектив общается, заведомо есть «язык».

Сам единый инструмент (условное общее «одеяло») может представлять в виде единства («язык»), в виде множества лоскутов («общая основа и заимствования из других языков»), само может становиться «лоскутом другого одеяла» («включения данного языка-донора в другие языки-реципиенты»).

Верность ошибочной идее *единого вербального инструмента* во всех случаях оправдывает поиски внутренних механизмов данного хитроумного устройства (якобы обособленного от других таких же устройств на основе некоторых признаков).

Любой сколько-нибудь оправданный в своих границах коллектив или отдельный автор, репрезентирующий одновременно себя и аудиторию (а это уже «языковой коллектив»), может стать плацдармом для отдельного «языка» с неисчислимыми, взывающими к описанию, особенностями (ср. «Особенности наречного употребления в языке А. Платонова» и пр.).

Вопрос о границах коллективов, обладающих «средством общения», становится едва ли не основным, но сам коллектив всегда назначается по умолчанию *ex abrupto* (поскольку подробная рефлексия над критериями конституирования коллектива и пристальные наблюдения над коммуникативной реальностью всегда приведут к выводу об условности/проницаемости/отсутствии границ, а значит, к краху идеи единого предметного «инструмента» данного коллектива).

Для демаркации используются *комбинируемые критерии* территории, времени, социальной стратификации, этнической, профессиональной, конфессиональной и пр. принадлежности носителей, а также критерий места в уже существующей или создаваемой *ad hoc* карте или древе языков (ср. включенные друг в друга и пересекающиеся «древнегреческий язык», «язык ионийско-аттической прозы», «язык Иосифа Флавия», «палестинское койнэ», «эллинистическое койнэ», «просторечное койнэ», «язык Нового Завета», «язык Евангелия от Марка», «язык Откровения Иоанна», «иудейский греческий», «язык апокрифов и псевдэпиграфов» и пр.).

Искомые границы между коммуникативными коллективами (а также постоянные нарушения этих границ) «уточняются» посредством нестрогих понятий, используемых для казуистичного оправдания единств и навязывания «строгой» формы не оформляемому вербальному субстрату: *диалекты, наречия, говоры, социолекты, идиолекты, жаргоны, пиджины, суржик, регистры, страты, стили, идиостили* и пр. Особое значение имеют понятия *влияния, изменения, развития, заимствования, скрещивания*, позволяющие научнообразно представить любые девиации от уже установленной, но на глазах нарушаемой системности.

Характерно, что исследователь, оснащенный этими методологическими инструментами, все же гораздо увереннее чувствует себя на поле сравнительно-исторических штудий, где присутствуют только укрупненные объекты (например, «индоевропейский язык», «восточно-семитские языки» и пр.), позволяющие в большинстве случаев не заботиться о таких мелочах, как говоры, социолекты и стили, тем более идиолекты и идиостили. Признаками «языка» по преимуществу выступают удобогруппируемые (исконные, развивающиеся, заимствуемые, чередующиеся, исчезающие, появляющиеся и пр.) «корни», «морфемы», «звуки», «фонемы», «лексемы», «рефлексы», «реконструкции» и пр. Теория, таким образом, расписывается в том, что главным объектом ее внимания является материальный субстрат, в котором единая система слов сперва априорно постулируется, а потом изыскивается и аргументируется во что бы то ни стало. Сравнительно-историческое исследование оказывается своего рода патологоанатомической процедурой, производимой над обезличенной «телесной составляющей» слово-содержащего семиозиса, с претензией на охват его содержательных сторон. Но из автономного вербального субстрата невозможно установить акциональные когнитивные состояния конкретных акторов, воссоздать моментную смыслообразовательную динамику естественного семиозиса объекты внимания, мыслимые связи, интенции к адресату и пр. Акциональные («воздейственные») смыслы возникают только в попытке воздействия данного актора, в конкретной процедуре семиозиса *здесь и сейчас*. Поэтому реальные пользователи, владея коммуникативными синтагмами (клише плюс мыслимое воздействие) и заботясь только об успешности своих опосредованных семиотических актов, пребывают всегда безразличными к вопросам территориальной, временной, социальной, этнической, профессиональной, конфессиональной и прочих «прописок» феноменов «языка», тем более к вопросу о местоположении данного неведомого им «инструмента» на генетическом древе или карте «языков». К счастью любой из них только постфактум может с изумлением узнать, каким количеством «языков» и историй их разнородных единиц он владеет при совершении своих конкретных (попыток) слово-содержащих воздействий и интерпретации чужих. Зато этимологии, заимствования, грамматика, словарь, нарушения норм и пр. доподлинно известны вторичному наблюдателю, который видит структурно-формальную подоплеку этого «без-образия» и благосклонно соглашается сформировать из «хаоса речевой деятельности» «единый вербальный инструмент», «язык» (ср. позицию Ф. де Соссюра).

Теоретическая работа по систематизации *привычек «пользователей»* произносить/изображать те или иные клише, безусловно, *полезна* как создание вспомогательного средства, упрощающего доступ к подлинному источнику смыслообразования – *акциональному состоянию конкретного актора* в каждом конкретном воздействии (его фокусы внимания, интенции к мыслимому адресату, видимые связи, параметры и оценка ситуации, ценностные ориентиры, эмоциональный фон и пр.). В конце концов, любая систематизация и типология имеют несловесную (коммуникативно-синтагматическую) природу. Например, «система лиц» как «под-система языка» существует не благодаря соответствующим вербальным формам, а благодаря естественной коммуникативной диспозиции участников и объектов, вовлеченных в интеракции. «Лица» в семиотических актах, слово-содержащих и не содержащих слов, определяются не благодаря вербальным клише, а вследствие

установления сложных отношений в производимых семиотических воздействиях; вербальные репрезентации лиц – личные местоимения, глагольные флексии и пр. – составляют один из параметров, по которым определяется мыслимая диспозиция акторов, адресатов, объектов и пр.; ср.: «Он мне говорит: я тебе обещаю», где говорящий («первое лицо») считывается из самого факта говорения, а [он] и [я] передают одно и то же «третье» лицо. По той же причине перевод с одного языка на другой осуществляется не благодаря устанавливаемой корреляции слов, а благодаря тождеству (сходству) коммуникативных синтагм, и пр.

Однако структурно-языковой энтузиазм зачастую простирается гораздо дальше, чем извлечение практической пользы, заставляя исследователя видеть в предметном «языке» не просто мнемонический прием, а некую основу разумного существования «носителей», заданную разметку мыслимого ими мира, основу их сознательной деятельности, «дом бытия» (М. Хайдеггер; ср. суждения типа: «в русском языке широкое распространение получили безличные конструкции»). Упрощающая ошибочная концепция совершает, таким образом, нелегитимную экспансию в онтологическую область смысла/значения, где навязываемая прямая связь с искусственно созданным фантомным «языком» угрожает основам гуманитарной (когнитивной в широком смысле) реальности. Празднуется своего рода «марксистская» победа материально-языкового бытия над незнаковым сознанием.

В ходе экспансии языковая наукообразная схема, помимо прочего, оправдывает претензии теоретика на то, чтобы формировать целевой *гомогенный коллектив* по признаку «единого языка», например нацию по признаку «национального языка». Отдельные представители нации так или иначе оказываются «повязанными» «словесным инструментом» (который якобы унифицирует не только *формы* их речи, но и *мышление*; см.: [Вдовиченко 2023]). Как сам теоретик, так и каждый участник формируемого коллектива получают «научный аргумент» в пользу единства, что влечет за собой императив признавать общность паттернов сознания, интересов, психических (когнитивных) профилей, ценностей и пр. (ср. фантомный конструкт «русская (английская, немецкая и пр.) языковая картина мира»).

Несомненно, что одна из причин интереса Сталина к «вопросам языкознания» состояла именно в том, что *область идей*, согласно марксистскому и традиционно лингвистическому взгляду, детерминируется «языком». В практической риторике, не обремененной рефлексией, упрощающий аргумент «единого языка», как показывает наглядный опыт, успешно работает.

Вопреки объективно-языковым тенденциям, следует признать, что в слово-содержащем (и ином) семиозисе, как и в сфере сознания, господствует исключительная *субъектность*. Несмотря на пользование словами, более или менее всеобщими, семиотический актор всегда имеет личные фокусы сознания, выделенные *ad hoc* объекты, признаки, связи, личные моментные и перманентные мотивации, отслеживает собственные интересы, сам избирает адресатов, исполняет собственные задачи, имеет свое личное видение условий каждого отдельного акта, избирает подходящие клише и пр. Его когнитивные операции не имеют атрибутов знаковости, «всеобщие знаки» просто отсутствуют в сфере мышления (см.: [Вдовиченко 2021]). Его коммуникативное воздействие, производимое *здесь и сейчас*, так же как его собственный процесс мышления, никому иному, кроме него самого, принадлежать не может, в отличие от «коммунальных» слов «языка», которые не обладают никакой субъектностью, не указывают ни на какие акциональные состояния сознания конкретного актора, имеют пустую телесную форму, как строительный материал, из которого еще ничего не построено. В семиотическом пространстве простая постройка (или архитектурный шедевр) возникает не из действий самих «кирпичей», а из индивидуального решения актора произвести воздействие, привнести лично усматриваемую новизну в когнитивный статус мыслимого адресата. Эту всеобъемлющую семиотическую и когнитивную субъектность (субъективность) объективистски ориентированный теоретик, используя

понятие единого материального «языка», пытается низвести до объективной телесности, единых коммунальных предметных форм. К счастью, реальный обладатель сознания имеет в распоряжении не модули «форма-значение», а бессодержательные клише («кирпичи»), которым только предстоит стать чем-то в конкретной процедуре коммуникативной референции и коммуникативного смыслообразования (ср. возникающие «совсем не объективные» феномены вранья, иронии, правды, непонимания, выдуманных – не присутствующих в действительности – объектов/явлений и пр., что само по себе демонстрирует существенные различия «объективной» и когнитивно-семиотической реальностей).

5. «Язык» есть мистический (волшебный) объект

Автор работы «Марксизм и вопросы языкознания» признает, что «язык» не принадлежит ни «базису», ни «надстройке». С его точки зрения, этот феномен обладает столь уникальной спецификой, что даже такая всеобъемлющая экономическая и социально-философская доктрина, как марксизм, не имеет для «языка» заранее уготованного места: «Короче: язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек. Его нельзя также причислить к разряду “промежуточных” явлений между базисом и надстройкой, так как таких “промежуточных” явлений не существует» [Сталин 1953, 86–87].

Все указанные Сталиным характеристики «языка», включая только что приведенную, похоже, отражают желание во что бы то ни стало *увидеть чудо* в рутине обыденности. «Язык» Сталина (и многих согласных с ним)

а) обладает вербальным телом, состоящим из ядра («основы грамматики и словаря») и непонятной в своем статусе периферии; является наблюдателю в виде инструмента или организма;

б) пронизывает собой все, присутствует повсюду в человеческом обществе;

в) живет богатой внутренней и общественной жизнью (эволюционирует, сохраняет целостность, обогащается, заимствует и заимствуется, испытывает влияния, сам влияет, имеет структуру, образует систему, противостоит другим языкам, функционирует в устной или письменной форме, является постоянно другим, возрождается, умирает);

г) руководит мыслью, детерминирует сознание словами и грамматикой, налагает на «носителя» обязательства думать и говорить заданным образом, диктует разумное поведение, предоставляет мышлению формы;

д) отражает содержание сознания данного коллектива (нации, криминального сообщества, игроков в бридж и пр.);

е) обслуживает общество, обеспечивает понимание говорящих между собой, организует производственную деятельность, написание стихов, прозы, доносов);

ж) принадлежит одновременно и базису, и надстройке и, наоборот, не принадлежит ни базису, ни надстройке; не является орудием производства, хотя активно участвует в производстве;

з) вполне устраивает в этих своих качествах теоретиков.

В самом деле, при условии вольно-невольного игнорирования иных заметных и незаметных чудес, традиционный «язык» часто предстает наблюдателю как несомненное «окно» из духоты детерминированной материи, как «вестник» чего-то постороннего в этом мире (ср. вульгарное суждение, основанное на неверном переводе и подмене понятий: «Филология изучает *слова*, а в Библии сказано: В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», Ин. 1:1).

В своем экзальтированном восприятии феномена «словесного языка» марксист и лингвисты, несмотря на временную и прочие дистанции, пожалуй, *вторят* древнему наивному воззрению, в котором говорение слов обладает креативной функцией (например, Быт. 1:1–31). При этом «волшебное творческое слово», приписываемое

в своем высшем проявлении Богу, заимствуется древним автором из вполне *обыденной реальности*, которая свидетельствует о «чуде» на глазах у любого коммуниканта.

Реалией вполне обыденной и доступной для наблюдателя можно считать *естественную акциональность* («воздейственность») *любой семиотической процедуры*, в том числе слово-содержащей: организуя коммуникативный акт, любой семиотический актер видит его смысл в том, чтобы изменить положение дел в постороннем когнитивном состоянии, создать новый психический (когнитивно-эмоциональный) статус мыслимого адресата. Его усилия могут производить *какой-то* эффект, иметь *какой-то* результат, не обязательно, впрочем, запланированный им самим. Тем не менее, *здесь и сейчас, в акте семиозиса*, возникает новое, прежде не существовавшее, «положение мыслимых дел». Своим слово-содержащим коммуникативным воздействием актер может добиться от адресата такого когнитивного состояния, пребывая в котором тот с чем-то согласится, ответит на вопрос, зафиксирует свое внимание и даже может в результате произвести какие-то несловесные действия, скажем, изменить физическую диспозицию предметов и пр.

Если упростить описание этого процесса, изъяв фактор «когнитивной призмы» (сознаний актора и адресата) и оставив только «произнесенное слово плюс результат», *возникает картина «творящего слова»*, волшебного, самозначного и самодействующего, «языка», который сам произвел согласие, ответ на вопрос, породил материальное действие. Вглядываясь в упрощенную картину «слово плюс результат», марксист и лингвист могут констатировать в слово-содержащем семиозисе своего рода *creatio ex nihilo*: слово сказалось – реальность изменилась. В дальнейшем, по-прежнему не замечая фактор когниции актора и адресата, наивный наблюдатель может распристранить «волшебное творческое действие слова» на создание любых предметов и явлений. В этом случае довести картину «творения из ничего» до окончательного беспримесного совершенства помогает авторитет Бога, Который уж точно не нуждается в посредниках, обстоятельствах и строительном материале.

Так или иначе, опосредованные интеракции обладателей сознания с вовлечением слов (что обобщенно называют «языком») могут показаться удивительной, мистической процедурой: говорящий произносит «слова языка», и где-то вовне него, без видимых иных действий с его стороны, *наступают изменения*. Это удивление («ощущение чуда») передается всеми вышеперечисленными пунктами, консенсусными для марксиста и многих лингвистов: «язык» обладает вербальным телом, имеет внутреннее строение (образует систему), пронизывает собой все мысли и практики *homo sapiens sapiens* и пр.

Между тем все вышеперечисленные свойства «языка», констатируемые многими теоретиками, несомненно, являются лишь *метафорами*, главная неточность которых состоит в игнорировании факта *созданности виртуального объекта «язык»* и в приписывании этому объекту *самостоятельного действия*.

В самом деле, выделение объекта/явления и моделирование затем его «поведения» является свойством человеческого сознания (о формировании актуальных множеств см.: [Вдовиченко 2020]). Зачастую существование выделенного *объекта* внимания (фокуса сознания, созданного актуального множества) не подвергается сомнению ввиду повсеместности и обыденности процедуры выделения. Казалось бы, что может быть более очевидным, чем отдельно лежащий камень или отдельно стоящий дом? Однако и тот, и другой объект может быть с той же очевидностью включен в состав другого выделенного объекта (скажем, дороги, на которой камень лежит, или деревни, на краю которой дом стоит) или, наоборот, разъят на части (фракции или стороны для камня, крыша и стены для дома), и тогда *фокус сознания актора* будет единственным ответом на возникающий вопрос о границах объекта и о самом способе и причинах возникновения данного объекта.

В случае *создания объекта «язык»*, как, впрочем, и во всех остальных случаях, значение имеет целесообразность и эффективность получаемой схемы с участием

введенного объекта (понятия). Поскольку необходимым и достаточным условием научного описания естественного слово-содержащего акта является *эффективная модель смыслообразования* («зачем и как?»), а «язык» не подтверждается как автономная система смысло-формальных модулей и в нем принципиально отсутствует актор (источник «воздейственного» смысла), безусловная оправданность этого объекта представляется сомнительной. Зачастую «язык» наносит теории слово-содержащего семиозиса прямой вред, поскольку деформирует картину происходящего, требует неверной интерпретации причинно-следственных связей в семиозисе, провоцирует введение фантомных концепций и понятий, отвлекает силы исследователей. «Язык», несомненно, имеет практический смысл по мере использования в лингводидактике, научении чтению и письму, «переводе» (как вспомогательный и неточный «переходник», см. выше) и пр., но оказывается непригодным для объяснения естественных процессов коммуникативного смыслообразования (см.: [Вдовиченко 2021–2022]).

Действия, которые якобы производят сами объекты/явления, также возникают только вследствие работы индивидуального сознания. На фоне тотальной обусловленности объектов (которые не существуют в конкретных формах до момента их актуализации в сознании) *действующим* может быть признан только обладатель личного сознания, нарушающий прямую механистичную причинность, преследуя свои интересы и приоритеты, привнося от себя единственно возможный собственный смысл. Сферу опосредованных воздействий, производимых обладателями сознания, невозможно моделировать как *механистический процесс действия знаков* (в том числе «слов языка») без ущерба для точности и эффективности создаваемой модели (см.: [Вдовиченко 2021]). На этом поле действующим может быть только обладатель личного сознания, нарушающий прямую механистичную причинность, преследуя свои интересы и приоритеты, привнося от себя единственно возможный собственный смысл.

Сферу опосредованных воздействий, производимых обладателями сознания, невозможно моделировать как *механистический процесс действия слов* («язык») без ущерба для точности и эффективности создаваемой модели (подробнее о невозможности «действия слов» см.: [Вдовиченко 2021]). Именно эту ошибку совершает марксист (или иной лингвист), вольно-невольно приписывая «волшебство» происходящего вербальной «системе знаков». Признание «чуда языка» закрывает горизонты для констатации и исследования подлинно удивительного, уж если его искать, – сознания (ума, интеллекта, мышления), которое в своем действии (а оно присуще только сознанию, обладающему диапазоном свободы, остальное – механистические процессы) явно преодолевает рамки тотального предметного детерминизма.

В естественной смыслообразующей коммуникации функционирует не подсобный инструмент описания и запоминания, а семиотический актор, свободный от смысло-формального «языка». Психологическая (когнитивно-эмоциональная) природа коммуникативных воздействий (основание и целевая причина любого семиозиса) не может оказаться редуцированной до условной вспомогательной схемы.

Так или иначе, теоретическое упрощение, объединяющее марксиста с некоторыми языковедами, состоит в избыточной *увлеченности словами*, в попытке представить вербальные единицы *самоорганизованными смысло-формальными модулями*, отвечающими за все происходящее в области коммуникативного смыслообразования. В результате создается теоретический конструкт «язык», призванный спасти априорную установку исследователей на материю слов. Неэффективность «языка» (и «речи») состоит в навязывании вербальным «телам» *собственного действия*.

В то же время ясно, что подлинный динамический смысл происходящего обеспечивается когнитивными (акциональными и неакциональными) процессами семиотического актора, *не связанными непосредственно с телами знаков*. Слова действительно вовлекаются в комплексную процедуру семиозиса, но далеко не исчерпывают его,

всегда являются интегрируемыми элементами, иногда в нем просто отсутствуют. «Язык» не обладает способностью автономно действовать в коммуникативном пространстве и, соответственно, не может производить искомую актором новизну привносимых изменений. Казуистически обособленная от «языка» «речь», в свою очередь, является шагом навстречу комплексной акциональной процедуре семиозиса, уступкой реальности (именно потому она плохо совместима с «языком», ср. оппозицию Ф. де Соссюра), но она по-прежнему стремится остаться в границах смысло-формальной вербальности, отвечать за непосильное для нее коммуникативное смыслообразование (ср. понятие *speech act* «речевой акт»).

В поисках более сложной лингвистики, не совпадающей с упрощенной версией, исследователь слово-содержащего семиозиса, направляемый *акциональным смыслообразованием*, приходит к необходимости видеть прежде всего *семиотическое воздействие*, то есть психический (когнитивно-эмоциональный, субъектный), а не «телесный» (объективный) предмет эвристики. В такой диспозиции вспомогательному «языку» («грамматика плюс словарь») отводится более адекватная, хотя и более скромная роль.

Источники – Primary Sources

Сталин 1950 – *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953 (Stalin, Joseph V., *Marxism and Problems of Linguistics*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Вдовиченко 2020 – *Вдовиченко А.В.* Смыслообразование в логических парадоксах: принцип коммуникативной определенности. Часть 1. Вопросы философии. 2020. № 2. С. 71–85; Часть 2 // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 107–118; Часть 3 // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 143–160.

Вдовиченко 2021 – *Вдовиченко А.В.* О различии когнитивного и знакового (словосодержащего) процессов. Экспериментальный аргумент // Когнитивные исследования языка. № 4 (47): Методы когнитивной лингвистики. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 29 октября 2021 года. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2021. С. 181–192.

Вдовиченко 2021–2022 – *Вдовиченко А.В.* Классическая и коммуникативная модели знака в интерпретации парадокса Греллинга – Нельсона. Часть I // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 108–122; Часть II // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 117–134.

Вдовиченко 2023 – *Вдовиченко А.В.* Основы теории «языка» в двустороннем консенсусе. О работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с позиций коммуникативной модели. Часть I // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 104–118.

References

Vdovichenko, Andrey V. (2020) “Meaning formation in logical paradoxes: the principle of communicative certainty”, Part 1, *Voprosy filosofii*, Vol. 2 (2020), pp. 71–85; Part 2, *Voprosy filosofii*, Vol. 3 (2020), pp. 107–118; Part 3, *Voprosy filosofii*, Vol. 4 (2020), pp. 143–160 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2021) “On the difference between cognitive and sign (word-containing) processes. Experimental Argument”, *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, Vol. 4 (47): *Metody kognitivnoj lingvistiki*, MSLU, 29 oct. 2021, ILing RAN, Moscow, TGU, Tambov, pp. 181–192 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2021–2022) “Classical and communicative models of the sign in the interpretation of the Grelling-Nelson paradox”, Part 1, *Voprosy filosofii*, Vol. 11 (2021), pp. 108–122, Part 2, *Voprosy filosofii*, Vol. 2 (2022), pp. 117–134 (in Russian).

Vdovichenko Andrey V. (2023) 'Fundamentals of the Theory of "Language" in the Bilateral Consensus. Stalin's *Marxism and Problems of Linguistics* from the Standpoint of the Communicative Model. Part I', *Voprosy filosofii*, Vol. 7 (2023), pp. 104–108 (in Russian).

Сведения об авторе

ВДОВИЧЕНКО Андрей Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретической лингвистики Института языкознания РАН, профессор кафедры теории и истории языка историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Author's Information

VDOVICHENKO Andrey V. – DSc in Philology, lead researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor, the Department of the history and the theory of language, Orthodox St. Tikhon University for Humanities.